

Н.Н. Иванов

N.N. Ivanov

ГОРНЕЕ И ЗЕМНОЕ И ИХ АТРИБУТЫ В СИСТЕМЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПЕРВОЦЕННОСТЕЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

THE HIGHER AND THE EARTHLY AND THEIR ATTRIBUTES IN THE SYSTEM OF PERSONAL PRIMARY VALUES OF LITERARY HEROES

Цель, задачи работы: очертить в системе личностных первоценностей, устремлений литературных героев горнее и земное, получившие атрибутику телесного и духовного, а в текстах произведений проанализировать и первое, и второе на уровнях детально-предметного мира, микрообразности; описать семантические коннотации детально-предметного мира, а именно, еды, одежды, жилища; установить их архетипичность, выделить соответствующие мотивы. Использование сравнительно-исторического, культурно-исторического, описательного, формального, биографического методов литературоведческого исследования позволило выявить художественную типологию в изображении компонентов детально-предметного мира, в частности, осмыслить их как образы жизненной силы, распределенной между земной и небесной составляющими личностного бытия. Материалом изучаемой проблемы явились сочинения Н.В. Гоголя, А.М. Горького, Л.Н. Андреева, М.М. Пришвина.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.М. Горький, Л.Н. Андреев, М.М. Пришвин; духовные ценности литературных героев; детально-предметный мир в произведении литературы.

The purpose and objectives of the work: to outline in the system of personal primary values, aspirations of literary heroes the higher and earthly, which have received attributes of the bodily and spiritual, and in the texts of the works to analyze both the first and the second at the levels of the detailed-objective world, microformity; to describe the semantic connotations of the detailed-objective world, namely, food, clothing, housing; to establish their archetypal character, to identify the appropriate motives. The use of comparative historical, cultural-historical, descriptive, formal, biographical methods of literary research made it possible to identify an artistic typology in the depiction of components of the detailed-objective world, in particular, to comprehend them as images of vital force distributed between the earthly and heavenly components of personal existence. The material of the studied problem was the works of N.V. Gogol, A.M. Gorky, L.N. Andreev, M.M. Prishvin.

Key words: N.V. Gogol, A.M. Gorky, L.N. Andreev, M.M. Prishvin; spiritual values of literary heroes; the detailed-objective world in the work of literature.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-61-2-29-36

Духовные устремления, истоки жизненной силы литературных персонажей, мир их души и тела, трансформация телесной субстанции в духовную сущность могут раскрываться

не только посредством мотивов и архетипов, но и выражаться в структуре художественного текста на уровнях предметном, деталей. Анализ, многоуровневая интерпретация последних и их семантики, места, функций в произведении литературы позволили бы полнее представить творческий поиск, художественную типологию в творчестве авторов разных эпох, стилей и направлений.

Целесообразным в историко-, теоретико-литературном аспектах представляется анализ детально-предметного мира, прежде всего, еды, пищи, одежды, и уточнение роли пищи телесной и духовной как образов жизненной силы – архетипичных, мотивных, определение их места в системе личностных первоценностей и устремлений литературных героев. Предметный мир в русской литературе нас интересует менее всего как совокупность бытовых деталей, но в контексте его семантико-символических коннотаций.

Еда, пища посредством сюжетных матриц переходит в повествование о первоценностях, устремлениях человека и необходимых для их реализации жизненных силах. Немногочисленные научные труды очерченную проблему не разворачивают; переключки между писателями XIX и XX столетий, как их видим мы, не развернуты [12; 17; 22; 23]. Разрозненные сведения историко-литературного, биографического характера в означенной области могут быть существенно дополнены, тем более что по выделенным здесь направлениям наследие писателей – художественные произведения, варианты, дневники, публицистика, переписка, воспоминания о Н.В. Гоголе, А.М. Горьком, М.М. Пришвине, А. Платонове – в научной литературе, по существу, не рассматривалось, хотя применительно к каждой из указанных персоналий разработан круг историко-литературных, теоретико-литературных положений как методологического, так и частного характера [10; 12; 20], а многие дефиниции уточнялись [11].

Обсуждение обозначенной проблемы уместно начать с диалога Мефистофеля и Господа в Прологе на небесах трагедии Гете «Фауст», окрашенного злой иронией первого по поводу возможностей человека быть счастливым в несовершенном мире:

Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет [3, т. 2, 16].

У Гете: «Von Sonn' und Welten weiß ich nichts zu sagen, / Ich sehe nur, wie sich die Menschen plagen. / Der kleine Gott der Welt bleibt stets von gleichem Schlag, / Und ist so wunderlich als wie am ersten Tag».

От невзгод мира внешнего людей спасают жилища, одежда, но, прежде всего, хлеб – *единый, насыщенный* – основа, мера, критерий земного бытия. Так он определен в фольклоре, в Священных текстах и в искусстве. Духовное, нравственные ценности производны от материальных, от сытости, чрева. «Хлеб за брюхом не ходит; Хлеб хлебу брат; Хлеба край, так и под елью рай; Хлебу мера, деньгам щет» [25, 428–430]. Краеугольность хлеба для людей отмечают Библия, Новый Завет, другие Священные книги: *Не хлебом единым*, преломление хлебов, Причастие. В Причастии-Евхаристии хлеб и вино сакральны: «Сие есть тело мое и кровь моя...», – говорит Христос. Сакральность хлеба, вина в виде образов, мотивов, мифом сохранена и в искусстве. Механикой чудесного получения хлеба, вина как бы из ничего владели Христос-Бог, inferнальный тип Мефистофель, но его спутник, великий ученый Фауст, – нет. Наука бессильна превратить мертвое в живое; искусство способно узреть в тварном тень Творца, однако тайны трансформаций не знает.

В прозе Н.В. Гоголя атрибуты внешнего мира – облачение, вещи персонажей, еда, напитки – как художественная условность коррелируют раздумья автора о детерминации духовных устремлений бытом. В гимназии «Гоголь окончил курс наук с правом на чин четырнадцатого класса <...> и уехал на родину» [2, т. 3, 410]. Затем отправился в Петербург и первые два года с отчаянием писал матери о своих бедствиях. 3 января 1829: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал. Я его воображал гораздо красивее и великолепнее. Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали» [2, т. 3, 414]. 22 мая 1829: «Мне предлагают место с 1000 рублей жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время?» [2, т. 3, 420]. 2 февраля 1830: «Снова хожу каждый день в должность и в силу, в силу перебиваюсь» [2, т. 3, 433]. Наконец, 2 апреля 1830: «Где же теперь мне взять сто рублей в месяц каждый на свое содержание?» [2, т. 3, 435]. Столь безрадостные рефлексии ворвались в сочинения Гоголя.

Титулярный советник Акакий Акакиевич – петербургский чиновник 9 класса, и его статус выше, нежели автора повести «Шинель», имевшего право на чин четырнадцатого класса. После службы Акакий Акакиевич, в соответствии с чином, финансовым состоянием, укрепляет силы свои, нетрудно догадаться, щами. В русской кулинарной традиции щи – еда для бедных, плебейская. Другой, более поздний, петербургский тип, Родион Раскольников, при всем незавидном положении, щи игнорирует принципиально. Голодая в течение нескольких дней или тратя последние деньги на пиво, или даже отказавшись от предложенных ему в трактире Аркадием Ивановичем Свидригайловым вина и котлет, щи есть (хлебать) он не будет. Еда, точнее, ее отсутствие, как и шляпа, как и отцовские часы – многоговорящие, формирующие образ Раскольникова детали: материальные затруднения только повышают его самооценку, знание своей исключительности.

Какая роль отведена пище телесной в образе Акакия Акакиевича? По причине появления заветной новой шинели сослуживцы пригласили его на чай; идти предстоит в «лучшую часть» [4, т. 1, 488] города. Там *маленький человек* и вкусил ранее неведомой пищи. Ужин состоял «из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского» [4, т. 1, 489]. Да, это не утонченные ресторанные блюда из меню еще одного петербуржца, Евгения Онегина, но и не щи. Акакий Акакиевич окрылен, духовный сдвиг состоялся, но природа его материальна: в шинели от Петровича тепло; ужин утолил голод; шампанское подняло настроение. Телесное перетекло в духовное: благодное состояние в организме отозвалось теплом в душе, переживанием чувств новых или забытых. Так, впервые за долгие годы с любопытством рассматривал он картину в освещенном окошке магазина: на картине красивая женщина «скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу, очень недурную» [4, т. 1, 488]. Акакий Акакиевич способен выйти из личины несчастного, забитого службой, обстоятельствами, бедностью чиновника, но при условии наличия внешнего, материального импульса.

А.С.Пушкин, имея в виду повесть «Нос», указал на фантастическое начало в таланте Гоголя; доб авим, что Гоголь отчасти предвосхитил эстетику символизма, например, мифопоэтический мотив связей человека и хлеба. Нос как самостоятельная фигура впервые появился, когда цирюльник Иван Яковлевич, накануне бривший майора Ковалева, утром, за хлебом, обнаружил в разрезанном «на две половины» хлебе нос [4, т. 1, 408]. Гоголь любил замещения. Нос, палец – конечности – символически заменяют, продолжают человека. Статский советник Нос больше своего хозяина – коллежского асессора Платона Ковалева. Обретение Ковалевым носа, предварительно завернутого в тряпочку, отсылает читателя к архетипичному сказочному персонажу – мальчику-с-пальчик.

Центральное место в выделенном нами у Н. В. Гоголя ряду занял Плюшкин. История Плюшкина состоит из нескольких сюжетных матриц, наполненных мифемами хлеба единого, хлеба – мерила богатства, хлеба – жизненной субстанции, и потому образ Плюшкина, допускаем, мифопоэтичен, во всяком случае, он имеет мифопоэтическую составляющую. «У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти

у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях» [4, т. 2, 263]. Плюшкин богат, но обилие хлеба, концентрация богатств не приумножили его жизненную силу, не стали метафорой души; добро утратило накопленную энергию: одно окаменело, другое истлело или сгнило. Со временем «мука в подвалах превратилась в камень» [4, т. 2, 265], и никто не вернет камню силу хлеба. Плюшкин изжил генеративную функцию и не может одарить, осчастливить кого-либо своим богатством.

В камне вместо хлеба прочитываются библейские аллюзии, мотивы. «Есть ли между вами такой человек, – говорит Христос, – который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» [Мф. 7: 9]. Есть. И человек этот – Плюшкин. Сыну своему, Владимиру, попавшему в затруднительную материальную ситуацию, отец ничего не дал. И старшей дочери не дал ничего. Акакий Акакиевич, не имея, по существу, никаких ценностей, дома, уюта, жены, чудесным образом изворачивался, чтобы хоть как-то залатать, улучшить, наладить, свою жизнь. Петрович пошил ему шинель. Петрович – Петр; камень для основания церкви. Результат труда Петровича мог бы стать основанием для дальнейшего преобразования Акакия Акакиевича, однако вмешались враждебные разрушительные обстоятельства. История Плюшкина – иная. Он – прореха, через которую жизненные силы убывают. «И все становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве» [4, т. 2, 269]. Прореху можно залатать, но сделать это в состоянии лишь женщина, а ее у Плюшкина нет. Падение хозяина началось, когда «добрая хозяйка умерла», затем старшая дочь, Александра Степановна, «убежала с штабс-ротмистром» [4, т. 2, 264]. Сын вскоре самовольно определился в полк; наконец, умерла дочь младшая. Деграция Плюшкина обусловлена утратой женского начала в доме; некому стало заботиться, зашивать, латать, и Плюшкин покатился вниз. Чичиков мечтал обрести гармонию, желаемым итогом всех его устремлений, какими бы подлыми или циничными они ни были, являлось получение земли и женитьба.

Хлеб – мерило богатств Плюшкина, но главные богатства он растратил: уходили люди, отмирали чувства помещика, притворялись окна, дом ветшал, копилось и самоуничтожалось добро; хлебные зерна не проросли, не дали обильных всходов: жена умерла, старшая дочь убежала, младшая дочь умерла. Помним, что бедами своими Гоголь делился с матерью; дом, пища, женское начало – первоценности его личностного мира.

«Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком <...> Александра Степановна приехала с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат <...> кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал» [4, т. 2, 265]. Кулич – причаститься и съесть; халатом – закрыть тело. Желая угостить Чичикова, Плюшкин распорядился, чтобы к чаю подали «сухарь из кулича» [4, т. 2, 269], из того, что Александра Степановна привезла; предложил гостю «славный ликерчик», который «еще покойница делала» [4, т. 2, 269], но Чичиков отказался, не причастился. Кулич – пища сакральная, ритуальная, символизирует Тело Христова, предвещает Пасху, Воскресение, возрождение. Хлеб и вино – Евхаристия. История же Плюшкина построена на антимотиве: он не возрождается, но черствеет, засыхает. Логика антимотива ведет к необратимому убыванию всяческих сил. Его ликерчик – не эликсир жизни, туда всякая дрянь «напичкалась» [4, т. 2, 269]. Был кулич, стал сухарь; хлеб – сухарь – камень. Как же надо сушить, чтобы кулич стал сухарем. Плюшкин не справлял Пасху, он лишен благодати. Параллельно с деграцией физической деформируются сознание, нравственные представления, ценности. Плюшкин, собиратель хлама, мертвых предметов, тащит домой всякую дрянь, думая, что, обладая ею, он становится богаче, но мертвое не превратится в живое, камень не вернет силу хлеба, и Плюшкин не возродится. По замыслу, Гоголь планировал возродить его в третьем томе, но не состоялось. Душа Акакия Акакиевича оттаяла, а душа Плюшкина очерствела, засохла.

Мифологизировал хлеб насущный и М. Горький, делая это талантливо и глубоко. А.Ф. Лосев понимал миф как саму сущность, конкретность бытия, как в словах данную личностную историю [24]. Пища, изображенная в искусстве как сущность бытия, неизбежно мифологизируется. Повествуя о пище телесной, Горький усматривал возможность

трансформации материального в духовную субстанцию, а тему хлеба насущного привязал к женским персонажам: Квашня – Пелагея Ниловна – Акулина Ивановна. Еда, дом, женщина неразделимы, но знаковые персонажи Горького голодны, бездомны, одиноки. В таинстве Евхаристии хлеб чудесным образом превращается в плоть, вино – в кровь. Горький настойчиво говорил о своем идеале человека как о человеке с солнцем в крови [19], открывал земные, материальные истоки духовной жизни. Мотив перетекания стал сквозным, его встречаем в драматургии, прозе Горького: «На дне», «Мать», «Городок Окуров», автобиографическая трилогия, «Хозяин».

В пьесе «На дне», премьера которой состоялась в МХТ в 1902 году, есть памятный персонаж – Квашня. Не следует недооценивать эту фигуру – не главную, но значимую и знаковую. Действует она немного, во 2 акте ее почти нет, но есть в первом и в последнем, четвертом, что показательно. Линия Квашни иллюстрирует заход Горького к правде, истине, добру, лжи и спасению не со стороны споров, диалогов, интеллекта, ума и знания, но совсем с другой – первооснов каждодневного бытия, медленной поступи тягловой лошади, поддержания в людях жизненной силы: еды, крова, одежды, тепла, женской заботы.

Квашня – «торговка пельменями, под 40 лет» [7, т. 7, 147]. Имя ее не упоминается, рассказы о прошлом немногословны. Квашней она стала на дне, куда ее привели, скорее всего, не сложившаяся семейная жизнь, что подтверждают ее резкие, грубые, злые, циничные суждения о роли женщины в браке, проклятия в адрес замужества [7, т. 7, 175].

Квашня далека от интеллектуальных бесед Бубнова, Сатина, Луки; Алешка говорит о ее уме на золотник, что та успешно парирует [7, т. 7, 248]. Достаточно высокий тонус мироощущения, оптимизм Квашни опираются на ее физическую силу, которая, в свою очередь, обеспечена пищей телесной. Еда, прежде всего, хлеб, пельмени – эквивалент жизнестойкости Квашни. Семантические коннотации ее прозвища допускают вариации. Полная, расплывчатая, имеющая большую плоть. Алешка о Квашне: «Мяса, жиру, кости – десять пудов» [7, т. 7, 248]. Далее: Квашня – закваска – хлеб. Квашня – квас – закваска – квасить (во всех смыслах). Квашня портретно, визуально противопоставлена худосочным, безжизненным, больным обитателям подвала. Она воплощает народный, фольклорный идеал здоровья, уходящий к архетипу Земли-Матери, и, возможно, к традициям Эпохи Возрождения.

Основное место нахождения-пребывания, центр силы Квашни – кухня. Когда Квашня хозяйничает, готовит, Барон «жуеет черный хлеб, а Настя <...> читает» [7, т. 7, 148]. Просматривается параллель с содержанием полемик огородника Крыскина и учителя Алпатова о хлебе едином, об интеллигентском служении и о книге вместо хлеба в повести М. Пришвина «Мирская чаша» [13; 20]. Крыскин настаивал, что человек жив хлебом и только хлебом.

Имя проститутки Насти намекает на возможность воскресения, но девица выбрала ложный путь. Настя подпитывает свои иллюзии книгой; дает своим возлюбленным (клиентам) имена вычитанных персонажей, переносится на страницы книг и видит себя там в роли любимой, не проститутки. Настя персонифицирует себя с героинями книг, но надо есть, а для этого – зарабатывать, трансформировать духовное в материальное. Квашня поддерживает силы обитателей ночлежки в борьбе с жизнью. Она торгует пельменями на базаре с помощником своим Бароном, бывшим аристократом, уходя на базар, оставляет чахоточной Анне «пельмешков горяченьких» [7, т. 7, 150]. Квашня – та основа, почва, ниже которой, в смысле опоры, уже ничего нет.

На протяжении всего действия полицейский Медведев настойчиво набивается в сожители Квашне, но эти притязания она отвергает. Лишь в четвертом акте, Медведев, утратив статус полицейского, выпивший, что в ночлежке нормально, становится избранником Квашни, которого она издевательски нарекает «Бутошник», «Бутарь» [7, т. 7, 247]. Квашня взяла Медведева в сожители, потому что ее «дело – бабье...» [7, т. 7, 248], потому что «нет – лучше-то...» [7, т. 7, 248]. Медведев «таскает» ее кофту [7, т. 7, 248], а

кофта – греет, тем самым Квашня отдает ему часть своего тепла. Шинель грела Акакия Акакиевича, Александра Степановна привезла отцу, Плюшкину, халат. Настя и Квашня обеспечивают существование Барона: первая дает женское тепло и деньги, вторая – кормит. Внешне Квашня напоминает бабушку Алексея Пешкова – Акулину Ивановну из повести «Детство», такую же полную и жизнестойкую, и менее – Пелагею Ниловну из повести «Мать». Допускаем, что, работая над образом бабушки, Горький наделил ее отдельными характеристиками Квашни, точнее, вывел из того же архетипа, который представлялся ему как воплощение идеала женской жизнестойкости. Плюшкин деградировал без женского начала; Медведев его обрел.

Образ Пелагеи Ниловны, главной героини повести «Мать», написанной в 1905 году, детализирует, укрупняет идеологемы, которыми наделена Квашня. В корчагах под пельменями Ниловна доставляет на фабрику «книжки и бумажки», прячет листовки под одежду, что символично, как и кофта Квашни.

Ниловна помогает торговке Марье Корсуновой носить обеды на фабрику. «Мне хлеб есть надо, работать надо же!» [6, т. 5, 60]. «Торговка, как всегда замасленная и шумная, встретила ее сочувственно. – Тоскуешь? – спросила она, похлопав мать по плечу жирной рукой. <...> Стряпаю да торгую <...> Любовники меня одолевают, анафемы! <...> Накопишь рублей с десяток, явится какой-нибудь еретик – и слижет деньги! Бедовое дело – бабой быть! Поганая должность на земле! Одной жить трудно, вдвоем – нудно! <...> на другой день в обед Власова была на фабрике <...> Марья пошла торговать на базар» [6, т. 5, 61]. Убеждения Марьи явно противоречат пафосу «Сказок об Италии» (1911–1913), яркому афоризму Горького о прекрасной должности – «быть на земле человеком!»

Поэтике Горького свойственна импровизация. Марья Корсунова параллельна Квашне: торгует на фабрике и базаре, но деньги забирают любовники. Функции Квашни как будто разделены между Марьей и Ниловной, что усиливает сквозную тему, начатую образом Квашни.

Ниловна, «спокойная и уверенная <...> дошла до своего места, составила корчаги на землю» [6, т. 5, 69]. Власова носит на фабрику пироги, похлебку, щи, «лапшу горячую» [6, т. 5, 69], а с ними – запрещенную литературу.

В начале последней части автобиографической трилогии, повести «Мои университеты», тема хлеба насущного в варианте пельменей и картошки воспроизвелась, и это фиксируем как художественную закономерность, типологию авторского мышления, исследователями творчества Горького пропущенную. Алексей вспоминал, как он с бабушкой Акулиной Ивановной в Нижнем ходил на рынок за всякой провизией, среди которой было и мясо для пельменей. Бабушка, как и Марья Корсунова, как и Ниловна, как и Квашня представляют один архетипический ряд; мотив поиска, обретения жизненных сил настойчиво варьируется от одного женского образа к другому, и всплывает лейтмотив рассказов Горького «По Руси» о новых силах, которых требует земля наша.

Повесть «Мои университеты». Алексей Пешков отправился в Казань поступать в университет и какое-то время живет у своего товарища Николая Евреинова; этот «милый юноша» и внушил Алексею «мысль об университете» [6, т. 7, 6]. Буквально со второй страница повести начинаются реалистичные, внешне бытовые диалоги Алексея, Николая, его матери об университете-храме науки и материально-бытовых тяготах бедных людей. «Евреиновы – мать и два сына – жили на нищенскую пенсию <...> маленькая серая вдова <...> решала трудную задачу: как сделать из небольших кусочков плохого мяса достаточное количество хорошей пищи для трех здоровых парней <...> Была она молчалива; в ее серых глазах застыло безнадежное, кроткое упрямство лошади, изработавшей все силы свои» [6, т. 7, 6]. Образность начала повести не единожды перекликается с образностью пьесы «На дне». Николай просит мать «пельменей сделать», Алексей добавил, что «для пельменей мясо – плохо, да и мало его» [6, т. 7, 7], вспомнил походы с бабушкой на базар. Мать заметила, что Алексей хорошо умеет чистить картофель, но этого вряд ли достаточно, чтобы поступить в университет. В перевернутых перспективах голодного сознания невозможно

установить, что первично – университет или пельмени, картофель, хлеб. «А мне уже давно и тонко были известны сложные фокусы химии и экономии кухни, я хорошо видел изворотливость женщины, принужденной ежедневно обманывать желудки своих детей» [6, т. 7, 7]. «Нельзя нам воспарить телесными крылами!» – восклицал врач и химик Фауст.

Другой нижегородский знакомый, гимназист Гурий Плетнев, предложил Алексею готовиться в сельские учителя, но теперь он живет «в странной, веселой трущобе – «Марусовке» [6, т. 7, 11]. Переключка с ночлежкой в «На дне» скорее заготовленная, чем произвольная. В Марусовке дискуссионное пространство горнего и земного расширено Эвклидом, математикой, Богом. Проститутки Марусовки более жизнеспособны, чем теоретики или голодные студенты. Голодные студенты – лейтмотив «Моих университетов». В упомянутой трущобе чахоточный математик из семинаристов, едва прикрытый грязным тряпьем, беседует с маленьким горбатым уродцем, который хотел доказать бытие Бога «исходя из математики, но умер раньше, чем успел сделать это» [6, т. 7, 12]. Проститутки боялись математика, «считая безумным, но, из жалости, подкладывали к его двери хлеб, чай и сахар, он поднимал с пола свертки и уносил к себе, всхрапывая, как усталая лошадь. Если же они забывали или не могли почему-либо принести ему свои дары, он <...> хрипел в коридор: – Хлеба!» [6, т. 7, 11]. Тема хлеба насущного стала сквозной и в повести Горького «Хозяин», опубликованной в 1913 году.

Земные заботы заметно теснят духовные запросы, поглощают значительные ресурсы, но, случается, что материальное трансформируется в духовное: пища как базовая потребность не только компенсирует энергетические потери, но и обеспечивает радость, смысл жизни. В рассказе Леонида Андреева «Ангелочек» Сашку выгнали из гимназии перед Рождеством, и это – знак; мальчик «боялся одного голода, так как мать перестала совсем кормить его, и только отец прятал для него хлеб и картошку. При этих условиях Сашка находил существование возможным» [1, 29]. На одном полюсе существования Сашки хлеб и картошка, на другом – ангелочек с Рождественской елки.

Вот отдельные примеры, иллюстрирующие извечное, присущее природе человека стремление разрешить мефистофелевское противоречие. Образный ряд, охватывающий и мать Николая Евреинова – лошадь, «изработавшую все силы свои», и математика из семинаристов, который всхрапывал, как усталая лошадь, раздвигается предшествующими и последующими типажам: сон Раскольников «про конягу», рассказ А. Платонова «Сухой хлеб» и повесть «Котлован», рассказ М. Пришвина «Лисичкин хлеб» и повесть «Мирская чаша», рассказ К.Г. Паустовского «Теплый хлеб». Пища телесная продлевает жизнь; духовная – нет; но духовная не позволяет человеку опуститься до животного уровня.

Связи, переключки между писателями, произведениями литературы по линии выбранной нами проблематики при поверхностном знакомстве с ними могут быть не видны и не понятны, но они существуют на глубинном ментальном уровне творческой личности, они присущи самой природе художественного сочинительства и обнаруживаются в процессе комплексного изучения текстов, опыта литературной рефлексии и саморефлексии.

1. Андреев Л.Н. Рассказы, повести и фельетоны. М., 1983.
2. Вересаев В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990.
3. Гете Иоганн Вольфганг. Собр. соч.: в 10 т. М., 1975–1980.
4. Гоголь Н.В. Избранные соч.: в 2 т. М., 1984.
5. Горький М. Детство; В людях; Мои университеты; Пьесы. М., 1984.
6. Горький М. Собр. соч.: в 8 т. М., 1989.
7. Горький М. Собр. соч.: в 12 т. М., 1987.
8. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1949–1955.
9. Иванов Н.Н. Горький А.М. // Литературный энциклопедический словарь Ярославского края / сост. О.Н. Скибинская. Ярославль, 2018.
10. Иванов Н.Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма // Верхневолжский филологический вестник=Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал. Ярославль, 2017. № 1. С. 28–31.

11. Иванов Н.Н. Мифопоэтические мотивы и образы в прозе А. Платонова // *Верхневолжский филологический вестник=Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал*. Ярославль, 2019. № 4. С. 198–204.
12. Иванов Н.Н. М. Горький – путешественник и философ: мифопоэтическая парадигма художественного мира/ монография. Ярославль, 2019.
13. Иванов Н.Н. «Надо удерживаться от интеллигентского стремления осознать жизнь прежде, чем сам пожил: надо просто жить». Проблема интеллигентского сознания в творческом поиске М. Пришвина: интеллигенция и народ. Христос. Фауст // *Филоlogos*. Вып. 4(47). Елец, 2020. С. 21–27.
14. Иванов Н.Н. Особенности внутренней формы слова в прозе М. Горького // *Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции (Кострома, март 2012)*. Кострома, 2012.
15. Иванов Н.Н. Рецепция культурологием Запада и Востока в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий // *Мир русскоговорящих стран: научный журнал. (Россия – Китай)*. Ярославль, 2023. № 2. С. 100–116.
16. Иванов Н.Н. Ремизовский миф в структуре ярославского текста // *Верхневолжский филологический вестник=Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал*. Ярославль, 2021. № 3. С. 17–23.
17. Иванов Н.Н. Телесное и духовное в русской литературе // *Верхневолжский филологический вестник=Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал*. Ярославль, 2023. № 3. С. 20–26.
18. Иванов Н.Н. Типология художественного мышления в творчестве русских писателей-неореалистов (М. Горький, А.Н. Толстой, М. Пришвин) // *Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: Материалы X Шешуковских чтений*. М., 2005.
19. Иванов Н.Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма: монография. Ярославль, 2022.
20. Иванов Н.Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина: монография. Ярославль, 2020.
21. Иванов Н.Н., Зими́на Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское: рецепция мотивов Гете в творческой эволюции М. Пришвина // *Верхневолжский филологический вестник=Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал*. Ярославль, 2020. № 2. С. 43–48.
22. *История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: 1910–1930 годы* / Л.Ф. Алексеева, И.А. Биккулова, Н.М. Малыгина, Н.Н. Иванов и др.; под ред. Л.Ф. Алексеевой. М., 2005.
23. *История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: Русская литература: 1910–1930-е годы: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп.* / Л.Ф. Алексеева, И.А. Биккулова, Н.М. Малыгина, Н.Н. Иванов и др.; под ред. Л.Ф. Алексеевой. М., 2012.
24. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994.
25. *Русские народные пословицы и притчи* / И. Снегирев. М., 1995.
26. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durchgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C.H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.